

Чэн Цзайе поднялся с дивана и на мгновение замер у журнального столика, чувствуя некоторую неловкость:

— Прости, я не нарочно.

— Ничего страшного. — Цзян Шоуянь прищурился в лунном свете, его глаза изогнулись. — Это вполне естественно.

— Если бы не перебрал, тоже упирался бы в тебя, но сейчас я как-то... — Цзян Шоуянь нахмурился, подбирая наиболее подходящее слово, — ...не в форме? Алкоголь подавил физиологию.

Чэн Цзайе не знал, что ответить. Густая ночная тьма медленно текла перед глазами. Чэн Цзайе понимал, что Цзян Шоуянь пьян и всё сказанное им сейчас — бессвязный лепет человека, чей разум затуманен спиртным. И всё же один лишь мимолётный взгляд стал искушением, мысли Чэн Цзайе бесконтрольно устремились в дебри запретных удовольствий. Что было бы, возникни у него эта «реакция»? Что бы они делали?

Цзян Шоуянь лежал неподвижно, окутанный ночной мглой, словно тёмным, неясным покровом. Чэн Цзайе хватило одного взгляда, чтобы внутри разлился жар. Он опустил глаза и когда снова заговорил, его голос звучал хрипло, будто он всю ночь провёл на пронизывающем морском ветру:

— Тебе всё ещё плохо? Сможешь дойти до комнаты?

Цзян Шоуянь и понятия не имел, о чём думает Чэн Цзайе. Для него это было лишь мгновением молчаливого созерцания. Чэн Цзайе стоял в тени, и Цзян Шоуянь даже не мог толком разглядеть его глаз.

— Кажется, стало получше, — произнёс Цзян Шоуянь. — Голова уже не так сильно болит.

Опираясь на диван, он поднялся на ноги, сделал пару шагов и тут же споткнулся. Чэн Цзайе вовремя подхватил его, тихо вздохнув:

— Давай я всё-таки провожу тебя.

— Хорошо.

Цзян Шоуянь тут же отпустил себя и всем телом навалился на Чэн Цзайе. Тот, полуобняв, повёл его к спальне. Ладонью он ощутил худое плечо — Цзян Шоуянь был по-настоящему худ, кости даже немного впивались в руку.

— Цзян Шоуянь, ты вообще ешь?

Тот не расслышал. Его волосы мазнули по шее Чэн Цзайе. Вскинув голову, он переспросил:

— Что?

Его взгляд был влажным и поблёскивающим, губы — сочными. Цзян Шоуянь так и не дождался ответа, он лишь почувствовал, что дыхание Чэн Цзайе стало чуть тяжелее.

Дверь в комнату медленно отворилась. Когда его подвели к кровати, Цзян Шоуянь наотрез отказался ложиться. Он потянул Чэн Цзайе за край одежды и сказал:

— Я ещё не принял душ.

Цзян Шоуянь был помешан на чистоте. В командировках, в каких бы дорогих отелях он ни останавливался, всегда возил с собой своё постельное бельё. Вернувшись домой с улицы, он никогда не садился на кровать, не сменив одежду.

Чэн Цзайе ответил: «Хорошо» и спросил:

— Устоишь на ногах? Я включу свет.

Цзян Шоуянь что-то невнятно промычал в ответ. Чэн Цзайе отпустил его, сделал два шага и нажал на выключатель. Вспыхнул яркий свет, Цзян Шоуянь зажмурился и покачнулся, но Чэн Цзайе вовремя его придержал. Неизвестно, сколько тот выпил, но его кожа была горячей, даже суставы пальцев порозовели. Убедившись, что Цзян Шоуянь твёрдо стоит на ногах, Чэн Цзайе снова отпустил его и пошёл включать свет в ванной.

— Я подожду в гостиной, — Чэн Цзайе обернулся. — Если что-нибудь понадобится, зови.

Он прикрыл дверь в спальню, оставив узкую щель. Сидел на диване, слушая, как шумит вода, а потом — как она стихает. Чутко ловил каждый звук, боясь, что Цзян Шоуянь упадёт.

Спустя некоторое время послышался тихий шорох: дверь открылась. Чэн Цзайе поднял голову и увидел Цзян Шоуяня: от него веяло влажной свежестью, мокрые кончики волос прилипли к шее. Встретившись с ним взглядом, Чэн Цзайе заговорил первым:

— Я приготовил на кухне медовую воду.

Цзян Шоуянь замер на секунду, повернул голову и увидел на кухонной столешнице кружку с мультяшным рисунком. Он подошёл ближе и осторожно взялся за ручку — она была тёплой. Вероятно, алкоголь и впрямь делает человека эмоционально уязвимым: Цзян Шоуянь почувствовал, как от этого тепла у него почти защипало в глазах. Он вспомнил бабушку.

В первые годы, когда он только начал работать, дела шли не очень гладко. Часто приходилось засиживаться на деловых ужинах до глубокой ночи и много пить. Но как бы поздно он ни возвращался, как бы тихо ни ступал, когда выходил из душа, в гостиной и на кухне уже горел свет. Бабушка не спеша выходила к нему с чашкой медовой воды, с улыбкой говорила, что он сегодня много трудился, и просила поскорее выпить — мол, это помогает протрезветь.

Цзян Шоуянь глубоко вздохнул и отхлебнул из кружки. Сладость прогнала горечь из горла. Он тихо спросил:

— Где ты нашёл мёд?

Чэн Цзайе стоял, прислонившись к холодильнику:

— В нижнем шкафу. Я проверил, срок годности ещё не вышел.

Цзян Шоуянь повёл плечами и усмехнулся. Чэн Цзайе показалось, что эта улыбка отличается от предыдущих — более искренняя, живая, в ней проступило тепло, словно цветок сквозь весенний снег. Чэн Цзайе очень не хотел уходить, но время было позднее. Он выпрямился и, видя, что Цзян Шоуянь достаточно протрезвел, произнёс:

— Я, пожалуй, пойду.

Цзян Шоуянь обернулся и ничего не сказал, но под его взглядом Чэн Цзайе никак не мог сдвинуться с места. Цзян Шоуянь молча смотрел на него некоторое время, а затем произнёс:

— Ты ведь вечером тоже пил? Хотя всего один бокал, но за руль тебе, наверное, садиться нельзя.

Чэн Цзайе мог вызвать такси, но ответил:

— Угу, нельзя.

— Может, перекантуешься здесь одну ночь? Соседняя комната свободна, — сказал Цзян Шоуянь.

— Можно? — почему-то переспросил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь принялся мыть кружку и сказал не раздумывая:

— Почему нет? Это ведь и твой дом тоже.

— Хорошо, — улыбнулся Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь лежал в своей постели. Доносящийся снаружи шум воды из душа вызывал у него очень странное чувство. В комнате горел лишь тусклый, тёплый жёлтый ночник, декоративные бабочки на потолке отбрасывали расплывчатые тени. В полудрёме Цзян Шоуяню показалось, будто их крылья мягко трепещут прямо у него перед глазами. Шум воды в душе превратился в говор текущей реки. Подсолнухи, бабочки, река... Цзян Шоуянь закрыл глаза. Подул вечерний ветерок, и ему почудилось, будто он заснул на весеннем лугу.

Утренний ветер откинул шторы, свет из узкого окна хлынул на тонкие веки Чэн Цзайе и разбудил его. Опустив голову, он зажёл экран телефона. Восемь пятнадцать — почти то же время, в которое он обычно встаёт.

Он поднялся с дивана и размял затёкшую шею. Диван был узким и коротким, так что спалось не слишком сладко. Почему он не ушёл в комнату? Чэн Цзайе поджал губы. Кровати в обеих спальнях примыкали к смежной стене. Вчера, учитывая обстоятельства, он вряд ли смог бы уснуть там спокойно. Впрочем, диван тоже сойдёт — Чэн Цзайе был непривередлив к местам ночлега. Он любил активный отдых и пешие походы — горные тропы извилисты, приличный ночлег найти трудно. Иногда он коротал ночи, застегнув спальник в тесной палатке.

Чэн Цзайе немного размялся, его взгляд снова остановился на подсолнухах в лучах утреннего солнца. Он подошёл и коснулся лепестков. Винная бутылка явно была маловата: пять подсолнухов в ней тесно прижимались друг к другу. «Нужно купить новую вазу», — подумал Чэн Цзайе.

Заглянув на кухню, он не удивился, пустому холодильнику. В комнате Цзян Шоуяня было тихо — тот, похоже, ещё спал. Чэн Цзайе не знал, когда его постоялец проснётся, поэтому оставил на холодильнике записку, взял ключи и вышел за дверь.

Утро в Кашкайше было тихим, солнечный свет ощущался на лице нежным поцелуем. Чэн Цзайе поехал в свою любимую кондитерскую, купил коробочку паштел-де-фежан, тарталеток с

бобовой пастой, а затем заглянул в небольшой дворик своих родителей. Там он выбрал в шкафу белую фарфоровую вазу, после чего отправился в сад, придирчиво выбрал и срезал свежий подсолнух.

Как только он вышел из дома, зазвонил телефон. На экране высветилось имя: Corliss. Чэн Цзайе бросил взгляд на экран, припарковался у обочины и только тогда ответил:

— Как проходит отпуск, госпожа Чэн?

С той стороны послышался шум, который вскоре сменился тишиной — видимо, женщина отошла в спокойное место:

— Вполне приятно. Но тётушка, которая присматривает за моим садом, вчера сказала, что в дом будто залез вор: ничего не пропало, но подсолнухи изрядно пострадали.

Чэн Цзайе глухо рассмеялся:

— Ну какой же вор. Я же старался срезать аккуратно.

Чэн Тун тоже рассмеялась. Она не стала спрашивать, зачем он срезал цветы и для кого они, лишь заметила:

— У тебя совсем нет вкуса. Ни одной девушке не понравится одинокий голый цветок.

Чэн Цзайе постучал пальцами по рулю:

— А почему это должна быть девушка?

Чэн Тун даже не запнулась, её голос остался таким же нежным и мягким:

— Юноше такое тоже не понравится.

Чэн Цзайе снова прыснул от смеха:

— Что ж, когда вернётесь из отпуска, привезу его к нам в гости. Мам, сама составишь для него букет, ладно?

— Только начал дарить цветы, и уже хочешь привезти человека в дом? А он-то согласится?

— Поэтому ты и нужна. Замолви за меня словечко. — Чэн Цзайе теребил кончик лепестка подсолнуха. — Он тоже лингвист-переводчик, у вас точно найдутся общие темы.

— Как его зовут? — спросила Чэн Тун.

— Цзян Шоуянь, — ответил Чэн Цзайе.

Чэн Тун повторила это имя про себя. Оно показалось ей знакомым. Несколько лет назад она работала приглашённым профессором в одном из пекинских университетов, вела курсы у нескольких потоков. Она очень любила свою работу и помнила в лицо почти всех учеников. До неё донеслась фраза на итальянском. Чэн Тун прислушалась и, прикрыв трубку рукой, ответила:

— (Поняла.)

Затем она снова обратилась к сыну:

— Моя машина приехала, мне пора.

— Хорошего отдыха, — отозвался Чэн Цзайе.

Завершив звонок, Чэн Тун помахала рукой мужчине с зелёными глазами, который с улыбкой шёл ей навстречу по узкой тропинке. Официант почтительно распахнул перед ними двери, и они вошли под яркое солнце Тосканы.

— Кажется, Zerphug нашёл пару. Сказал, что хочет познакомить нас, когда мы вернёмся.

— Правда? Как его зовут? — Мужчина говорил на китайском очень хорошо, почти без акцента, а его интонации были поразительно похожи на манеру речи Чэн Тун.

— Цзян Шоуянь, — ответила Чэн Тун.

— Звучит очень интеллигентно.

— Мне тоже так кажется, — улыбнулась она.

Цзян Шоуянь проснулся только после полудня. Солнечный луч из окна падал на изножье кровати. Прежде чем вспомнить, где находится, молодой человек некоторое время безучастно созерцал танцующие в воздухе пылинки. Моргнув, он поднялся, чтобы открыть дверь, и, сделав пару шагов, увидел человека на диване в гостиной. Тот, судя по всему, встал уже давно: на журнальном столике стояла открытая коробка со сладостями.

— Проснулся? — Чэн Цзайе проследил за его взглядом и смущённо взъерошил волосы. — Вообще-то я купил это тебе, но так проголодался, что не удержался и открыл.

Цзян Шоуянь только что встал, к тому же похмелье не оставляло сил для вежливости:

— Почему не сходил куда-нибудь поесть?

— Хотел дождаться тебя, — ответил Чэн Цзайе. Он подошёл к Цзян Шоуяню с коробкой тарталеток, в которой оставалось ещё две штуки. — После сна полагается подкрепиться. Съешь немного, чтобы успокоить желудок, а я пока приготавливаю обед.

Услышав последнюю фразу, Цзян Шоуянь резко вскинул глаза.

— Чему ты удивляешься? — рассмеялся Чэн Цзайе. — Так странно, что я умею готовить? Считай это платой за ночлег.

Цзян Шоуянь вернулся в комнату, ополоснул лицо холодной водой — и только тогда почувствовал, что пришёл в себя. Он смотрел на бегущую воду, пока в щель под дверь не прокрался аппетитный аромат еды. Пахло по-настоящему вкусно — так вкусно, что Цзян Шоуянь, несмотря на пустоту в голове, автоматически побрёл на кухню.

Уселся на стул возле кухонного острова и, лениво подперев подбородок рукой, принялся наблюдать, как Чэн Цзайе в фартуке передвигается по кухне. Широкие плечи, узкая талия —

зрелище было весьма эстетичным. Только сейчас Цзян Шоуянь воочию убедился, что в этом доме действительно есть всё необходимое. Кастрюли, миски, всевозможные приправы заполнили прежде пустые поверхности, привнося в атмосферу тот самый дух домашнего уюта, который казался Цзян Шоуяню таким непривычным.

Цзян Шоуянь не был тем, кто просто ждёт, пока подадут еду. Он зашёл на кухню, чтобы спросить, не нужна ли помощь, и боковым зрением заметил записку на холодильнике:

«Ушёл по делам, скоро вернусь. Ключи взял с собой».

— Утром ходил за покупками. Оставил записку на случай, если ты проснёшься раньше. — Чэн Цзайе взял баночку со специями и посыпал блюдо молотым перцем.

Цзян Шоуянь что-то промычал в ответ, заглянул в сковороду и узнал блюда китайской кухни, причём почти все — его любимые. Он вспомнил вчерашний ужин с друзьями Чэн Цзайе. Кто бы мог подумать, что юноша окажется настолько наблюдательным. Словно почувствовав, что тишина затянулась, Чэн Цзайе заговорил:

— Я учился в университете в Германии, — сказал он. — Моя бабушка — немка, отец — наполовину немец, наполовину португалец. В одном из путешествий он встретил мою маму и влюбился в неё с первого взгляда.

Чэн Цзайе искренне раскрывался перед ним.

— До восемнадцати лет я вообще не умел готовить. Не знал даже, сколько нужно воды, чтобы сварить рис. Но немецкая кухня мне совсем не подошла, так что волей-неволей пришлось осваивать готовку во время учёбы в университете.

Голос Чэн Цзайе был спокойным и глубоким, он легко увлекал за собой. Цзян Шоуянь под шипение индукционной плиты будто наяву увидел восемнадцатилетнего Чэн Цзайе, который с радостным ожиданием открывает крышку кастрюли — и с досадой взирает на полусырой рис. Цзян Шоуянь негромко рассмеялся. Чэн Цзайе взглянул на него и продолжил:

— Спустя пару семестров на всех важных посиделках главным поваром стал я. Но вечеринки случаются не каждый день, а есть хочется всегда. Поэтому частенько мои друзья, не в силах больше терпеть столовскую еду, с мисками в руках и преданными взглядами караулили меня у дверей. В то время у нас было много внеклассных занятий. Я увлекался лыжами, прыжками с парашютом, плаванием, дайвингом... Люблю свежий воздух, контакт с природой. Это даёт мне чувство свободы.

Цзян Шоуянь слушал молча. Слова складывались в яркие, залитые светом картины, выстраивая мир, к которому он сам никогда не мог прикоснуться.

— У меня дома много фотографий и сертификатов. Если будет возможность, когда-нибудь всё тебе покажу. А ты, Цзян Шоуянь? Ты любишь что-нибудь по-настоящему?

Воздух внезапно замер. Цзян Шоуянь опустил ресницы, глядя на кастрюлю с кисло-сладкими рёбрышками. Что он по-настоящему любит? Сахар, кажется, томился слишком долго — Цзян Шоуянь уловил едва заметный, тонкий привкус горечи.

<http://bllate.org/book/14908/1372937>